

Нарастающее напряжение в «Песне Еремушке» обрывается, не доходя до самой высокой ноты:

«...С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...
И тогда-то...»

Снова вступает песня няни, старая песня:

...Вдруг проснулося
И заплакало дитя,
Няня быстро встреленулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

Видимо, для возбужденной и самоуверенной молодежи такое окончание как бы пропадало, снималось¹. Но для самого Некрасова оно не случайно. В этой оборванности много смысла. В самом совмещении пророчесвующего «и тогда-то» со старой песней выразился взгляд поэта в будущее, еще неясное (надежда и неуверенность) ожидание чего-то, т. е. не просто противозначительный смысл, но смысл, еще не определяемый никакими словами, ибо *того* еще нет, а есть лишь страстное ожидание его и пламенный к нему призыв.

О двенадцатой главе поэмы «Мороз, Красный нос» Опыт реального комментария

«Мороз, Красный нос», — писал современный Некрасову критик Вл. Зотов, — принадлежит к числу лучших поэм Некрасова. Вся она проникнута таким знанием русского человека и русской жизни, такой любовью к народу, что после этой поэмы всякое сомнение в значении Некрасова, как истинно народного поэта, не может иметь места... Вся русская природа, весь быт деревни обрисованы и прочувствованы чрезвычайно верно».

Искусство поэта проявилось, конечно, не в том, что

¹ Обычно для вольной поэзии этой поры характерны концовки-лозунги (см.: Бушканец Е. Г. Вольная русская поэзия 1860-х годов. — В кн.: Народ-герой русской литературы. Казань, 1966, с. 23).

он представил развернутые описания, широкие картины «всей природы», «всего быта» сами по себе. Поэма поражает как раз концентрированностью и сжатостью, не описанием быта, а ощущением его. Разные стороны жизни народа, его психологии встают за кратким упоминанием, иногда за одним точным определением.

Драматизм судеб героев поэмы, живое авторское чувство будут волновать всегда, но бытовые реалии, лежащие в основе ряда глав, ныне нуждаются в комментировании. Так, в XII главе поэмы рассказывается о смерти Прокла, которой предшествует картина деревенских лечений, знахарства, ворожбы. Уяснение реальных источников картины лишней раз подтверждает, сколь хорошо Некрасов знал народную жизнь, сколь верен правде жизни он был, даже в мельчайших деталях, служа высокой правде искусства. Мы не ставим задачей всесторонне рассмотреть главу и лишь указываем на эти реальные источники. О болезни своего героя поэт пишет:

Случилось в глубоком сугробе
Полсутки ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар! (II, 178)

«Диагностика» здесь точна в самой приблизительности. С признаками болезни, отмеченными поэтом, народная медицина связывает представление о лихорадке, о горячке. И «лечить» героя будут так, как лечат именно эти болезни:

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Все худо. Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в прорубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьет и не ест!

Знахарство и ворожба — одно из страшных и неизбежных явлений темного быта старой деревни. «Знахари и знахарки, — пишет А. Минх, — пользуются народными предрассудками и легковерием: шепчут над водкой или водой, дают выпить, и ежели больному не делается легче, то объясняют, что «испортивший» сильнее их, и несчастный долго без пользы таскается по колдунам и ворожеям, отыскивая сильнеешего, пока смерть или случайное облегчение не прекратят его розысков»¹. Тот же А. Минх отмечает, что многие средства такого лечения прямо вредны, как, например, обычное деревенское лечение «окуром»: «Это страшное зло, превосходящее своими дурными последствиями самую болезнь. Если после окура выйдет на холод или выпьет холодного, то бывают случаи смерти»².

Кстати, подчиняясь общим и частным творческим заданиям, Некрасов опускает все, что могло быть разумного в собственно народной медицине: есть лишь краткое упоминание о «жаркой бане» — испытанном народном средстве лечения. Основное внимание сосредоточено на суевериях. В главе нет прямой насмешки или обличения. Они и невозможны здесь. Но нагнетание бессмысленных процедур ясно раскрывает ужас и безысходность положения.

Источники, из которых Некрасов черпал сведения о характере ворожбы, сложившейся у него, естественно, в единую картину, могли быть различными.

Во-первых, книжные. В библиотеке Некрасова находились такие книги, как «Быт русского народа» А. Терещенко (СПб., 1848), «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И. М. Снегирева (вып. 1 — 1837, вып. 2 — 1838, вып. 4 — 1839), «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках» Д. О. Шеппинга (М., 1862). Позднее в библиотеке появились вышедшие уже после окончания работы над поэмой труды: «Очерки природы и быта Беломорского края России» А. Михайлова (СПб., 1868), «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева (Изд-во Солдатенкова, 1865—1868) и др. Сравнение этих работ с поэмой показывает, однако, что книжными материалами Некрасов

¹ Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861 году А. Н. Минхом. СПб., 1890, с. 49.

² Там же, с. 20.

пользовался при работе над XII главой в минимальной степени и основным источником, видимо, было непосредственное общение с народом, наблюдения над его бытом.

Некрасов точен в описании процедур, которые совершают ворожейки: «Ворожейки нашептывают больным на сало, на соль, на траву, на вино и даже на св. воду и велют пить и тереться»¹ (ср.:

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут...)

Так описан обряд лечения в этнографических сведениях о Нижегородской губернии. Во Владимирской губернии (отметим, что Владимирская губерния, наряду с Ярославской и Костромской, была местом постоянных охотничьих скитаний поэта и, следовательно, объектом непосредственного наблюдения и изучения) было широко распространено такое упомянутое Некрасовым средство «лечения», как обычай класть больного под куриный насест (ср.: «Под куричий клали насест...»). Так, в этнографическом описании жителей Высокорецкой волости Судогордского уезда сообщалось: «Для лечения сглаза берут три холодных угля и три камешка, опускают их в ковш холодной воды, воду эту плещут сквозь скобу двери, потом спрыскивают ею больного, дают ее пить и окачивают под куриною нашестью»².

Надо сказать, что вообще куриный насест выступает в самых разных заговорах и приметах. Так, в частности, в той же Владимирской губернии через него перебрасывали стоптанный лапоть, чтобы «наладить отношения» с домовым. Может быть, этот обычай связан с тем значением, которое вообще придавалось в народном быту и, соответственно, в народных суевериях курам: «Из домашних птиц куры доставляют в общежитии многообразную пользу. Из этого произошло в простом народе поверье, что они не противны святым и находятся под покровительством мученика Сергия, который посему называется хранителем курей»³.

Обычай окачивать больного под куриным насестом был широко распространен и в Нижегородской губер-

¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. 1915, вып. 2, с. 744.

² Там же, 1914, вып. 1, с. 156.

³ Терещенко А. Быт русского народа. СПб, 1848, часть 6, с. 54.

нии, даже там, где лечение от болезней считали грехом, ибо болезнь — от бога. Этот же обычай встречался и в близкой Некрасову и хорошо им известной Костромской губернии, где «от лихорадки окачивают водой под куриным насестом, а также навязывают на грудь найденную на дороге веревку или мочало»¹.

Окачивание холодной водой (в поэме Прокла спускают в прорубь) тоже было повсеместно бытовавшим средством избавления от недугов. В ряде мест такое окачивание совершалось именно над прорубью. Так, в Олонецкой губернии «от горячки стреляют из ружья, чтобы отогнать болезнь, а также обдают холодной водой на проруби»².

Столь же распространены были в практике «лечения» самые разнообразные spryskivaniya водой (у Некрасова «водой с девяти веретен») ³. Не случайна сама цифра девять, которой во многих народных поверьях придавали, видимо, магическое значение. Так, больного иногда купали в воде, собранной из девяти рек⁴.

В поэме цифра «девять» идет от народного представления о девяти видах лихорадки, действия которых предполагается нейтрализовать. Хотя большинство источников называет двенадцать как число разновидностей лихорадки по народным поверьям, А. Терещенко в книге «Быт русского народа» (мы отметили, что эта книга была в библиотеке Некрасова) говорит именно о девяти: «Сохранилось повсюдное поверье, что у лихорадки девять крылатых сестер, коих нечистый дух спускается с цепей, чтобы помучить людей. Если лихорадка пролетом коснется губ, то они обмечутся, а если она коснется до всего человека, то упадет трясовица; но чтобы она не возвратилась к больному, то ему надобно намазать свое лицо сажей, — этого она пугается. — Иные переодеваются в вывороченное или чужое платье, чтобы она не узнала, переезжают тихомолком из дома в дом, чтобы она не нашла его; пишут на дверях и окнах без ведома больного: дома нет, чтобы этим обмануть

¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, 1915, вып. 2, с. 650 (Рукопись 1853 г.).

² Там же, с. 309. (Рукопись 1854 г.).

³ Т. е. с девяти колодезных воротов (веретен). Указано Ю. В. Лебедевым.

⁴ См.: Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания и суеверия. М., 1890, с. 423.

лихорадку и спрятать от нее больного, которого потом окуривают его же паром. — В предохранение еще от лихорадки носят на шею змеиную или ужовую кожу, ожерелье из змеиных головок или восковые шарики, сделанные из страстной свечи»¹.

Часто поверье предусматривает в качестве средства лечения трехкратное протаскивание сквозь узкие проемы (у Некрасова — «три раза сквозь потный хомут»), щели, сделанные в растущем дереве (дуб, ясень — в Нижегородской губернии) и т. п.

Последний рецепт «ходебщика» Феди — «положить под медведя» (кстати, медведь, медвежья шерсть тоже фигурируют в ряде рецептов) обращает Дарью к здравому смыслу.

Вообще в некрасовской поэме мы видим как отражение явлений народного быта причудливое смешение христианства и язычества, веры и суеверия. Как к последнему средству героиня поэмы обращается к «иконе явленной», но поэт об этом в двенадцатой главе только сообщает. Вся картина посещения монастыря, связанные с этим думы и чувства Дарьи в поэме даны в ином, «высоком» ключе и, естественно, отделены. На ряде же примеров из этой главы мы хотели показать, как углубленно Некрасов изучал народную жизнь и народный быт, как органично воспринимал их, какое детальное знание этой жизни и этого быта стоит за каждой строкой великой поэмы.

О поэтичности стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога»

Некрасовское произведение поэтично не только вследствие яркости картин, прелести пейзажей; оно поэтично прежде всего потому, что являющаяся, так сказать, нервной системой стиха поэтичность есть внутренняя мера, которой все в стихе измерено и оценено.

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

¹ Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848, часть 6, с. 15—16.